

УДК 911.3

**РАЗВИТИЕ
РОССИЙСКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ
ГЕОГРАФИИ:
ТРЕНДЫ,
ПРОБЛЕМНЫЕ СИТУАЦИИ,
ПРИОРИТЕТЫ**

*А. Г. Дружинин**

Развитие исследований в сфере общественной географии (одной из важных составляющих научного знания) — особо значимо для современной России. В последнюю четверть века российская общественная география существенно трансформировалась, заметно расширив свою предметно-содержательную сферу; на этом фоне нарастало противоречие между актуализацией общественно-географического знания, необходимостью формулирования внятных представлений о факторах, проявлениях и следствиях полимасштабной территориальной социально-экономической динамики и возможностями науки, ее организацией, кадровым потенциалом, теоретическим и информационным «оснащением». Цель статьи — на основе анализа постсоветского тренда развития российской общественной географии высветить не только ее фактические достижения, но и проблемные ситуации, обосновать приоритеты. Показано, что традиционные векторы развития общественной географии (ее «гуманизация», «культуризация», «экономизация», «географизация» и «экологизация») в современном контексте не только сохраняют свое значение, но и обретают новое содержание. Акцентирована необходимость, а также раскрыты конкретные направления интеграции научного сообщества российских географов-обществоведов, концентрации его усилий на фундаментальных вопросах пространственной организации России, ее позиционирования в евразийском и глобальном масштабе.

* Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42

Поступила в редакцию 20.12.2014 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2015-2-9

© Дружинин А. Г., 2015

Ключевые слова: общественная география, Россия, постсоветский период

Введение

Россия (с ее обширнейшим и в высшей степени фрагментированным в природном, социально-экономическом и этнокультурном отношении пространством) для профессионального географа — сложнейший, увлекательнейший объект исследования, предполагающий оперирование широкой «палитрой» инструментальных средств и подходов. Отвечая на «вызовы» пространства и потребности учета географического фактора в социально-экономическом развитии, с конца XVIII в. в России формируется сильная и оригинальная экономико-географическая школа; ее «пик» (практически совпав с периодом обретения страной наивысшей за всю свою историю экономической и политической мощи [1]) пришелся на середину — вторую половину XX в. Современная российская **общественная география** (в настоящее время в профессиональном сообществе это словосочетание наиболее популярно), функционируя в сложном контексте кардинальных хозяйственных, политических и социокультурных изменений на постсоветском пространстве, во многом наследует ее достижения и наработки.

Распад СССР, появление новых границ, геополитических субъектов и очагов конфликтов, глубокий экономический кризис и социальное расслоение, деградация базовой инфраструктуры, приватизация и переориентация хозяйственных связей, глобализация и существенная коррекция позиций страны в мировом разделении труда, терциаризация, де- и реиндустриализация, депопуляция и локальный демографический рост, этнокультурные изменения и миграционные потоки — эти и многие иные корреспондирующие с ними процессы имеют свои географические формы и проявления, способствуют трансформации территориальной организации российского общества, модифицируют общественно-географическую проблематику, инициируют эволюцию российской общественной географии, актуализируют адекватное видение ее трендов, проблемных ситуаций и приоритетов.

Традиционное и новационное в современной российской общественной географии

Анализируя ретроспективу, вмещающую сложный процесс адаптации науки (институциональных форм ее организации, исследовательского инструментария, а также профессионального сообщества) к политико-экономическим трансформациям и социально-культурным изменениям, к реалиям глобализации, — можно констатировать: современная российская общественная география — продукт общего тренда эволюции национальной научной школы (рис. 1), сопутствующих ему достижений, проблемных ситуаций, утрат, упущенных возможностей.

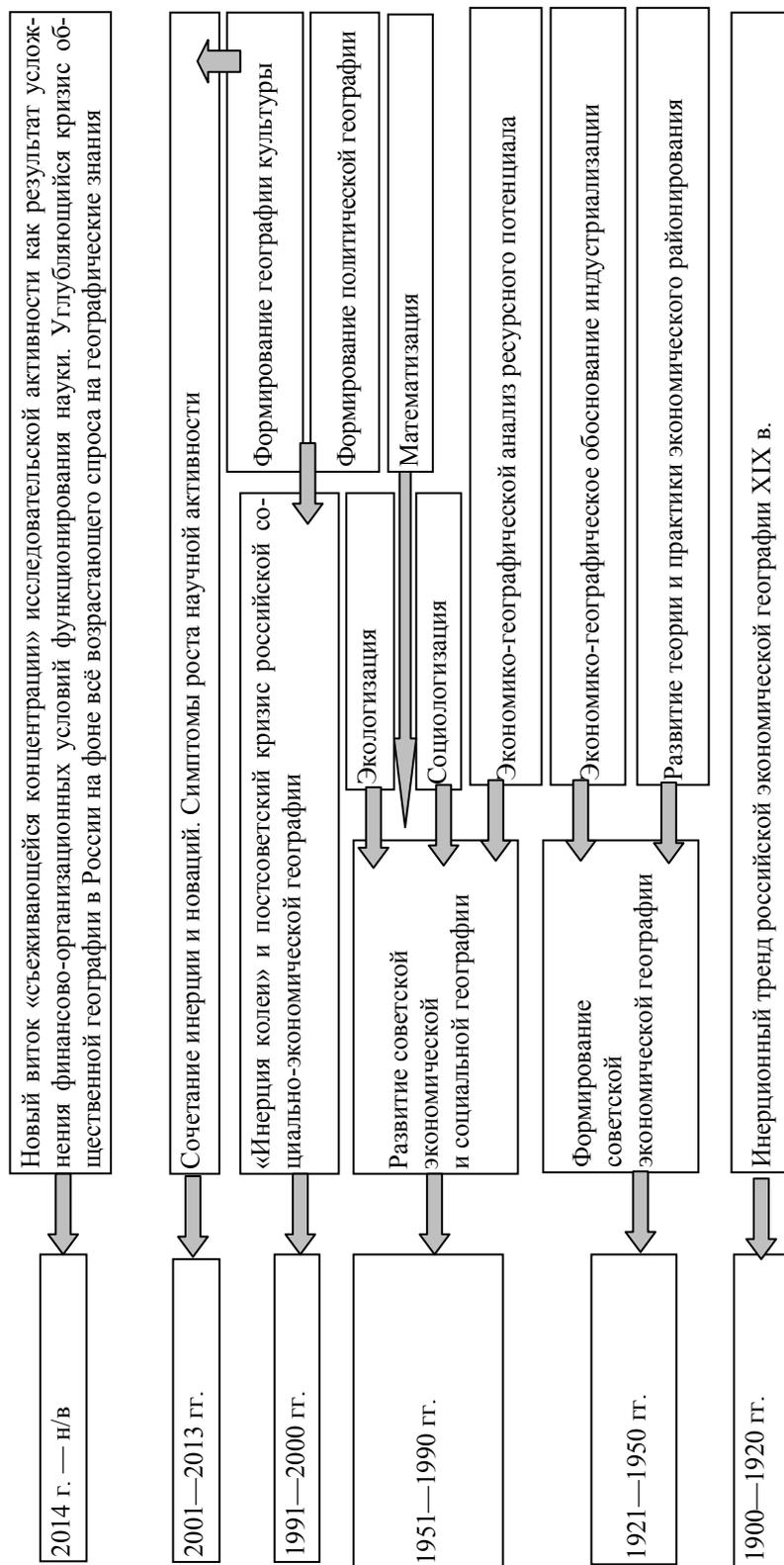

Рис. 1. Основные тенденции эволюции российской (советской) экономической географии в XX и начале XXI в.

В постсоветский период следование традиции сочеталось с существенным «переформатированием» всей системы исследовательских приоритетов российской общественной географии, направленности и интенсивности ее научных связей. Отчасти сохранились (однако утратив былую интенсивность) взаимодействия с исследователями (и научными коллективами) из бывших союзных республик (сейчас — новых независимых государств). Параллельно расширялись (обретая многовекторный характер) контакты российских географов-обществоведов с коллегами из так называемого «дальнего зарубежья». В результате от преимущественной опоры на собственные теоретические построения и концепты (а XX в. подарил современной российской общественной географии обширное интеллектуальное наследие — табл. 1) наша наука перешла к более широкому использованию теоретических заимствований извне, следованию (зачастую — с некоторым запаздыванием¹) модным трендам столь динамичной и вариативной по своим методологическим установкам и направлениям исследований современной западной географии.

Таблица 1

**Российская (советская) научная школа в XX в.:
лидеры науки и основные идеи**

Лидеры науки	Идеи, теории, концепты
Н. Т. Агафонов; Э. Б. Алаев; П. М. Алампиев; И. Г. Александров; В. А. Анучин; Н. Н. Баранский; И. В. Белоусов; С. В. Бернштейн-Коган; Н. И. Блажко; И. А. Витвер; В. В. Вольский; А. М. Гаджи-Заде; В. М. Гохман; Л. Н. Гумилёв; В. Э. Ден; В. Ш. Джаошвили; Ю. Д. Дмитриевский; Б. Н. Зимин; Р. М. Кабо; С. А. Ковалёв; Н. Н. Колосовский; А. М. Колотиевский; И. В. Комар; О. А. Константинов; В. Г. Крючков; С. Б. Лавров; Г. М. Лаппо; О. П. Литовка; И. М. Маергойз; В. П. Максаковский; Я. Г. Машбиц; А. А. Минц; И. В. Никольский; С. Я. Ныммик; М. М. Паламарчук; Е. Н. Перцик; Н. Д. Пистун; В. В. Покшишевский; А. Е. Пробст; А. Н. Ракитников; Б. Б. Родоман; С. С. Сальников; Ю. Г. Саушкин; Г. В. Сдасюк; Б. Н. Семевский; С. Б. Слевич; А. Е. Слука; И. Т. Твердохлебов; А. Г. Топчиев; А. М. Трофимов; Б. С. Хорев; А. Т. Хрущёв; В. М. Четыркин; А. И. Чистобаев; М. Д. Шарыгин и др.	Теория экономического районирования; учение о территориально-производственном комплексе; концепция энергопроизводственных циклов; учение об экономико-географическом положении; учение о конструктивной географии; концепция территориального сочетания природных ресурсов; учение о территориальной организации общества; теория районной планировки; теория единой системы расселения; теория поляризованного ландшафта; теория территориальной социально-экономической системы и др.

¹ К примеру, бум исследований культурного регионализма и региональной идентичности в Human Geography пришелся на 1980—1990-е гг. (у нас — середину 2000-х); состоявшаяся в конце 1980-х гг. (в результате прорывных работ П. Ромера и Р. Лукаса) значимая для общественной географии смена парадигмы в теориях экономического роста (с экзогенной на эндогенную) проявилась в России лишь 15—20 лет спустя [2].

Заимствования позволили, в частности, в сжатые сроки нарастить необходимый для познания пространственных реалий (в контексте укореняющихся в России рыночной экономики и глобального капитализма) исследовательский инструментарий, инкорпорировав в него теории «полюсов роста», «центро-периферийной структуры», «кластеров», «глобальных городов», модели конкурентоспособности и позиционирования, подходы в сфере геоконфликтологии, геомаркетинга и др. Более полное знание зарубежных научных подходов и школ, видение (преимущественно сквозь их же «призму») полномасштабно уже проявивших себя в других странах общественно-географических явлений и процессов стимулировали становление в российской общественной географии ее новых субдисциплин, позволили глубже осмыслить диалектику универсального и локального в территориальной организации общества, четче идентифицировать современную российскую специфику. Одновременно множились риски подмены национальной (геополитически, геоэкономически и геокультурно центрированной на России, интересах нашей страны) географической картины мира экзогенными ее инвариантами (взглядом на себя и глобальную реальность «глазами Запада»); возникли предпосылки «вечного ученичества» и практически неизбежной в этой ситуации интеллектуальной (в первую очередь теоретико-методологической) «вялости», а следовательно, и немощи.

Под воздействием глобализационного тренда теоретико-методологические основания российской общественной географии становятся в итоге все более *эkleктичными и плюралистичными*. Наряду с доминированием **сциентистской парадигмы** (основанной на объективистской и рациональной, ценностно-нейтральной методологии изучения причинно-следственных и функциональных связей между свойствами географического пространства и социально-экономическими и культурными явлениями) обретают своих сторонников и **феноменологические** подходы [3]. Тем не менее и в постсоветский период превалировавшие ранее методологические установки (базирувавшиеся на фундаменте марксизма [4]) в целом сохранили свое значение. В их числе: акцент на исследовании двуединства «природа — общество» при одновременном признании социально-экономической географии как обществоведческой науки; понимание территориальности как важнейшего признака географических исследований; сфокусированность на «способе производства» как основе социальных, политических и духовных процессов; видение территориальных систем как объективной реальности; признание необходимости активнейшего участия географии в социально-экономических преобразованиях (в процессе районирования, пространственного планирования и др.).

Сохраняя приверженность методологической традиции и одновременно активно воспринимая интеллектуальные новации (и моды), в постсоветский период общественная география (в русле тренда ее **дифференциации**) продолжала динамично видоизменять внутреннюю структуру в процессе выдвигания на авансцену новых своих субдисциплин и сфер научной активности.

Постсоветская трансформация российской общественной географии: важнейшие тренды

Именно в последнюю четверть века оказались сформулированы теоретические основы российской **политической географии и геополитики** (С. Лавров, Н. Мироненко, Н. Каледин, В. Колосов, Л. Смирнягин, Н. Багров и др.); важная их составляющая (в настоящее время в особой мере актуализированной и активно разрабатываемой) — **географическая идентификация и концептуализация Евразии и евразийской интеграции** (Л. Гумилёв, С. Лавров, В. Каганский, Д. Замятин, А. Дружинин, В. Шупер).

На волне изменений 1990-х гг. стала активно развиваться **геополитическая лимнология** (В. Колосов, Л. Попкова, Р. Туровский и др.). Обозначился интерес к исследованию **трансграничных географических структур** (П. Бакланов, С. Ганзей, Т. Герасименко, Л. Корытный, В. Колосов, Н. Межевич, Г. Фёдоров и др.), в первую очередь в метарегионе Балтики, Причерноморья, Азиатско-Тихоокеанского региона, российско-украинском и российско-казахстанском приграничье и т. д.

Наряду с геополитическими сюжетами, приоритетные усилия российских географов-обществоведов в последнюю четверть века были направлены на осмысление трансформаций собственно постсоветского социально-экономического пространства (А. Алексеев, С. Артоболевский, Ю. Гладкий, Н. Зубаревич и др.), включая обоснование новой регионализации России (Л. Смирнягин, А. Трейвиш), ее эколого-географического положения (Н. Клюев, В. Разумовский и др.). Новый импульс (в ситуации стремительной постсоветской трансформации городского пространства) получила **геоурбанистика** (К. Аксёнов, В. Битюкова, О. Вендина, Н. Власова, В. Глушкова, А. Дружинин, В. Колосов, Г. Лаппо, О. Литовка, А. Махрова, А. Обедков, Е. Перцик, Н. Слука и др.).

Характерная для крупнейших городов (и ареалов их непосредственного влияния) терциаризация (отчасти — структурное следствие деиндустриализации, отчасти — результат экономического роста 2000-х, породившего спрос на финансовые, образовательные, туристско-рекреационные и иные услуги) стимулировала географические исследования **туристско-рекреационной сферы** (А. Зырянов, Л. Мажар, Н. Мироненко и др.), **инфраструктуры** (В. Дронов), **банковской сферы** (А. Лузанов), **проблематики высшей школы** (А. Катровский). Были продолжены (активно развиваемые ранее И. Никольским) изыскания в области **географии транспорта** и транспортных сетей (В. Бугроменко, Б. Раднаев и др.), предприняты (весьма успешные) попытки ее теоретизации (С. Тархов). Развивался (применительно к новой экономической ситуации) инструментарий **пространственного планирования** (В. Лажнецов, А. Чистобаев). Одновременно обозначились совершенно новые для российской географии направления исследований: географические аспекты **институциональной модернизации** российской эконо-

мики (Н. Зубаревич, А. Пилясов, В. Шувалов и др.), **география инноваций** и инновационных циклов (В. Бабурин), география российского **крупного бизнеса** (Н. Зубаревич).

Существенные позиции в структуре российской социально-экономической географии заняла и **культурно-географическая проблематика** (А. Дружинин, Д. Замятин, В. Каганский, В. Калущков, М. Крылов, А. Манаков, У. Набиева, Д. Николаенко, В. Стрелецкий и др.); при этом в лексикон российских географов-обществоведов вошли такие понятия, как «восприятие территории», «географический образ», «историко-культурное наследие», «культурный ландшафт», «идентичность».

Размер и структура географического пространства России, его административная, хозяйственная, этнокультурная и природно-экологическая фрагментированность инициируют и полимасштабные **исследования регионального уровня**, заметно преобладающие в общей «палитре» общественно-географической тематики: до 85—90% всех публикуемых в стране статей в области общественной географии выполнены именно на конкретном региональном и локальном материале. Характерно, что все последние годы приоритетность «региональной» тематики для географов-обществоведов предопределялась не только федеративным устройством постсоветской России, но и осязаемыми «подвижками» в ее социально-экономической регионализации, то есть ситуацией, когда хозяйственная структура, системы расселения и инфраструктуры, совокупность внешних связей, идентичность и даже имидж регионов России и ее отдельных поселений — нестатичны, требуют постоянного профессионального внимания. Географию России, ее региональную организацию фактически приходится вновь и вновь «открывать» заново. Подобная задача в целом успешно решается, что подтверждают масштабные монографические работы, выполненные по социально-экономической географии центральной России (А. Махрова, Т. Нефёдова, Б. Родоман, М. Сигалов, А. Трейвиш и др.), ее Юга (В. Белозёров, А. Дружинин, Н. Щитова и др.), Балтийского региона (Г. Фёдоров), Севера или, как все чаще говорят в последнее время, Российской Арктики (В. Лаженцев, А. Обедков, А. Пилясов и др.), Урала (Е. Анимица, Н. Власова, М. Шарыгин и др.), Сибири (Л. Безруков, Б. Ишмуратов, Ю. Михайлов, Н. Сысоева и др.), Тихоокеанской России (П. Бакланов, А. Мошков, М. Романов и др.).

Пережив сложный адаптационно-трансформационный период, российская общественная география не только добилась определенных позитивных результатов (рис. 2), но и существенно расширила сферу своей активности; подобные (приближающие ее к модели мировой Human Geography [2]) структурные изменения (при всем многообразии их причинности) в целом соответствовали проявившемуся еще в 60—70-х гг. XX в. и акцентированному в работах Ю. Г. Саушкина тренду развития советской экономико-географической науки «вширь», то есть преимущественной ее ориентации на поиск и обретение все новых и новых сторон изучаемого объекта.

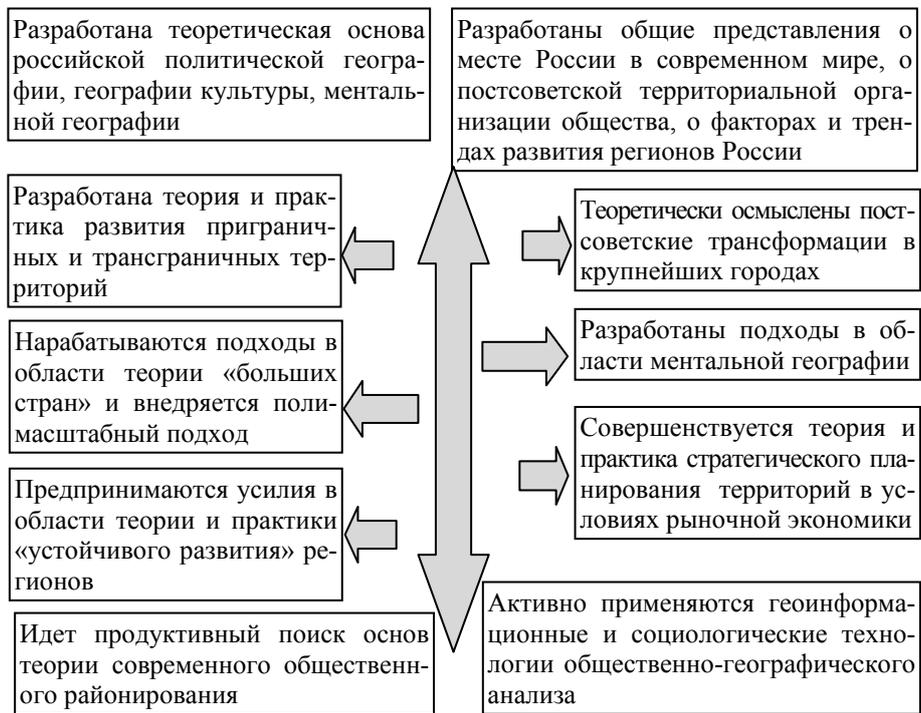

Рис. 2. Важнейшие достижения постсоветской российской общественной географии

Проблемные ситуации в развитии российской общественной географии

Параллельно появились и многочисленные проблемные ситуации, сдерживающие развитие современной российской общественной географии (рис. 3).

На фоне диверсификации научного поиска в последние два с половиной десятилетия, к сожалению, обозначились существенные дефициты в базовой общественно-географической тематике, то есть в исследовании собственно экономических процессов. Лишь отдельные авторы (Л. Смирнягин, А. Пилясов, В. Шувалов) продолжают поддерживать продуктивную активность в области **теории и методов экономического районирования**. Немногочисленны в последние годы и серьезные работы (П. Бакланова, Т. Потоцкой, Р. Сафиуллина и др.) в области **территориально-производственного системообразования**; мало публикаций, продолжающих развивать актуальнейшую для России проблематику **географии сельской местности и агросферы** (в числе специализирующихся в данном направлении авторов следует назвать Ф. Мичурину, Т. Нефёдову, А. Носонова, В. Тюрина и др.), включая исследование уникальной по масштабам российской сезонно-дачной контрурбанизации (Т. Нефёдова, А. Трейвиш).

Рис. 3. Основные проблемные ситуации, сдерживающие развитие современной российской общественной географии

Несмотря на ряд работ в области **социальной географии** (А. Анохин, В. Бугаев, Н. Зубаревич, Н. Щитова, А. Якобсон и др.), не получили пока должной экономико-географической интерпретации и рельефно проявившиеся на постсоветском пространстве территориально-социальное неравенство, бедность, дефициты в развитии социальной инфраструктуры, различного рода социальные патологии (алкоголизм, наркомания). Практически отсутствуют серьезные наработки по военной географии, гендерной проблематике и географии рисков. Крайне мало графических исследований на микроуровне, в том числе и в разрезе отдельных городов и городских кварталов, а также сельских районов и поселений (в качестве «прорывной» здесь необходимо отметить монографию Н. Ю., Замятиной и А. Н. Пилясова [5]). На фоне стабильно неудовлетворительного качества официальной социально-экономической статистики и перманентного дефицита бюджетного финансирования науки наблюдается и фактическое свертывание серьезных экспедиционных исследований и натурных обследований объектов (гранты РГО, позволившие в последние два-три года организовать, реализовать и презентовать немногочисленные полевые исследования [6; 7] — скорее исключение из общего правила).

Немногочисленны и работы общетеоретического плана, выполненные узким (практически не расширяющимся) кругом авторов (П. Бакланов, В. Каганский, В. Лаженцев, Б. Родоман, А. Ткаченко, А. Трофимов, М. Шарыгин, В. Шупер, Э. Файбусович и некоторые другие). В массиве публикаций российских географов-обществоведов все меньше проявляется интерес к вопросам **теории**, что в последние годы констатируют ведущие специалисты по методологии науки [8—14]. Проведенная в Ростове-на-Дону представительная международная конференция, целиком посвященная различным аспектам теории социально-экономической географии [15], акцентировала проблему, интерес к ней, но тем не менее сама по себе оказалась неспособна переломить тренд.

Приоритеты российской общественной географии

Вослед за непродолжительным оживлением (подкрепляемым потоком интеллектуальных заимствований и пришедшимся на 2002—2007 гг. «всплеском» диссертационной активности) российская общественная география, к сожалению, вновь вступает в стадию «съеживающейся концентрации». Ситуация в науке остается сложной; ее перспектива — поливариантна.

Что можно противопоставить подобному негативному тренду? Прежде всего — фокусировку нашего профессионального сообщества на действительно масштабных и фундаментальных проблемах российского общества, важная из которых, как видится, связана с преодолением факторов и проявлений «периферийности» в социально-экономической динамике как Российской Федерации в целом, так и ее обширнейших территорий. Чрезвычайно важно в связи с этим обосновывать общественно-географические условия и формы обеспечения существенного роста эффективности (экономической, социокультурной и социально-экологической) территориальной организации страны. Не менее значим и общественно-географический мониторинг уже наметившейся (и способной полномасштабно проявиться через 1—2 поколения) этнокультурной трансформации России, равно как и ее позиционирования в динамично видоизменяющем свою архитектуру «евразийском пространстве». Наконец, требует вдумчивой профессиональной экспликации и все громче декларируемый (и медленно, подспудно, но тем не менее фактически свершающийся) геостратегический «разворот» Российской Федерации; акцентирую, специфика нашей страны предопределяет необходимость его поливекторности, инициирует этот «разворот» не только на Восток (как это уже осмысливается [15]), но и на Юг, а также «внутрь», «вглубь» самой России, к ее территориальным общностям, культурным ландшафтам, природно-ресурсному и экологическому потенциалу.

Для решения подобного рода полидисциплинарных задач необходим многократный рост внутрикорпоративной сплоченности российского общественно-географического сообщества, включая «сетевизацию» научных исследований и коллективов. Важным, знаковым (но лишь первым) шагом в этом направлении является создание в мае 2010 г. **Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)**, научного общественного объединения (в настоящее время насчитывающего 32 региональных отделения), призванного выстраивать и координировать «горизонтальные» профессиональные связи, развивать межрегиональные контакты [16]. Столь же важно и практическое культивирование «универсализма» (!) географов-обществоведов, дополняемого высоким уровнем научной культуры, в том числе и профессиональной компетенции. Крайне желательным возрождением эффективно зарекомендовавшего себя в советский период «факультета повышения квалификации» (целесообразно «запустить» этот проект на совместной базе Московского и Санкт-Петербургского государственных университетов с привлечением в качестве лекторов ведущих специалистов страны).

Заключение

Опираясь более чем на двухвековую национальную исследовательскую традицию, позиционируя себя в качестве самостоятельной общественной науки и одновременно являясь неотъемлемой составляющей «системы географических наук», российская общественная география в сложной политико-экономической трансформации конца XX — начала XXI в. не только выстояла, сохранилась, но и добилась определенных позитивных содержательных результатов, существенно расширив при этом сферу своей активности. Несмотря на многочисленные проблемные ситуации и дефициты, сдерживающие развитие современной российской общественной географии, она уверенно сохраняет потенциал лидерства в разработке проблематики территориальной организации общества — одной из наиболее фундаментальных и сложных как для Российской Федерации, так и в целом для современного человечества.

Список литературы

1. Суций С. Я., Дружинин А. Г. Очерки географии русской культуры. Ростов н/Д, 1994.
2. Теория социально-экономической географии: спектр взглядов российских ученых / ред. и сост. А. Г. Дружинин и В. Е. Шувалов. Ростов н/Д, 2010.
3. Дружинин А. Г., Стрелецкий В. Н. «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Изв. РАН. Сер. географическая. 2015. № 1. С. 3—18.
4. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М., 1973.

5. *Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М., 2013.
6. *Постсоветское пространство: двадцать лет перемен* / под ред. В.Л. Бабурина. Смоленск, 2013.
7. *Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя.* Путешествие из Петербурга в Москву в 21 веке (по итогам экспедиции 2013 года). М., 2015.
8. *Котляков В.М.* Мировой кризис конца XX века и географическая наука. СПб., 1995.
9. *Колосов В.А., Мироненко Н.С., Петров Н.В. и др.* Российская общественная география первой половины 90-х годов // Изв. РАН. Сер. географическая. 1996. №3. С. 17—27.
10. *Трофимов А.М.* Особенности формирования современных научных школ в российской географии (критическое осмысление кризиса в географии) // Научный потенциал отечественной географии : тр. Междунар. науч. конф. Майкоп, 1999. С. 89—90.
11. *Шупер В.А.* Географическая теория и социальная практика: размышления над статьей Г.А. Агранта // Изв. РАН. Сер. географическая. 2001. №2. С. 65—72.
12. *Трофимов А.М., Шарыгин М.Д., Мальганова И.Г.* Ренессанс географической мысли или кризис в географии? (изменение общественной ситуации и задачи географов) // Географический вестник. 2005. №1—2. С. 5—9.
13. *Дружинин А.Г.* Российская общественная география начала XXI века: старые проблемы, новые вызовы // Экономико-географический вестник Южного федерального университета. 2008. №5. С. 3—9.
14. *Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты* / под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов н/Д, 2014.
15. *Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития* : сб. матер. междунар. науч. конф. / под ред. А.Г. Дружинина и В.Е. Шувалова. (Ростов-на-Дону, 4—8 мая 2010). Ростов н/Д, 2010.
16. *Караганов С., Макаров И.* Поворот на Восток: итоги и задачи // Российская газета. 06.02.2015 : [сайт]. URL: <http://svop.u/main/14175/> (дата обращения: 20.02.2015).
17. *Дружинин А.Г.* Приоритеты развития российской социально-экономической географии и задачи АРГО // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2012. №1. С. 26—31.

Об авторе

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, председатель Координационного совета Ассоциации российских географов-обществоведов, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIAL GEOGRAPHY:
CHALLENGES, TRENDS, PRIORITIES

A. Druzhinin*

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Submitted on December 20, 2014

Promoting the development of social geography (one of the most important components of present-day social sciences) is especially important for contemporary Russia. In the last 25 years Russian social geography has seen dramatic disciplinary changes. On the one hand, it has widened its scope. On the other hand, it has suffered from a growing contradiction between the popularization of the social geographic knowledge, the need to have a clear understanding of the factors and results of a multi-scale territorial social and economic dynamics, and the limits of the field (with its organizational structure, possibilities and practitioners desperately falling behind the times). The aim of this article is to analyze the post-soviet period of the development of social geography to identify the strengths and weaknesses that the discipline has demonstrated, the challenges it still has to overcome and the priorities it has yet to formulate. It is shown how the traditional dimensions of social geography (with their focus on humanities, culture, economics, geography or environment, respectively) not only keep their value but acquire new meanings. The author concludes about the importance and the strategies of further integration within the community of social geography researchers, and points out the directions of future research: fundamental issues of Russian spatial planning, Russian positioning in both global and local (Eurasian) contexts.

Key words: social geography, Russia, post-Soviet studies.

References

1. Sushhiy, S. Ya., 1994, *Ocherki geografii russkoj kul'tury* [Essays on Geography Russian Culture], Rostov-on-Don, 576 p.
2. Druzhinin, A.G., Shuvalov, V.E. (ed. and comp.), 2010, *Teorija social'no-jekonomicheskoj geografii: spektr vzgljadov rossijskih uchjonyh* [The theory of socio-economic geography: the range of views of Russian scientists], Rostov-on-Don, 166 p.
3. Druzhinin, A.G., Streletsky, V.N. 2015, «Kul'turnaja sostavljajushhaja» obshhestvennoj geografii v sovremennoj Rossii: genezis, osobennosti i prioritetyne napravlenija razvitija ["The cultural component of the" social geography in modern Russia: genesis, characteristics and development priorities], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 1, p. 3—18.
4. Saushkin, Yu.G. 1973, *Jekonomicheskaja geografija: istorija, teorija, metody, praktika* [Economic Geography: history, theory, methods, practice], Moscow, 559 p.
5. Zamyatina, N. Yu., Pilyasov, A. N. 2013, *Rossija, kotoruju my obreli: issledujuja prostranstvo na mikrourovne* [Russia, which we have found: exploring space at the micro level], Moscow, 544 p.
6. Baburin, V.L. (ed.), 2013, *Postsovetskoe prostranstvo: dvadcat' let peremen* [Post-Soviet Space: Twenty Years of Change], Smolensk, 300 p.
7. *Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu: 222 goda spustja. Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu v 21 veke (po itogam jekspedicii 2013 goda)* [Journey from St. Petersburg to Moscow: 222 years later. Journey from St. Petersburg to Moscow in the 21st century (according to the results of the expedition 2013)], 2015, Moscow, 352 p.

8. Kotlyakov, V.M. 1995, *Mirovoj krizis konca XX veka i geograficheskaja nauka* [World crisis of the late XX century and geographical science], Saint Petersburg, 49 p.

9. Kolosov, V.A., Mironenko, N.S., Petrov, N.V., Treyvish, A.I. 1996, Rossijskaja obshhestvennaja geografija pervoj poloviny 90-h godov [Russian social geography of the first half of the 90s], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 3, p. 17—27.

10. Trofimov, A.M. 1999, Osobennosti formirovaniya sovremennyh nauchnyh shkol v rossijskoj geografii (kriticheskoe osmyslenie krizisa v geografii) [Features of formation of modern Russian scientific schools in geography (critical reflection of the crisis in geography)], *Nauchnyj potencial otechestvennoj geografii* [The scientific potential of the national geography], Proceedings of the International Scientific Conference, Maikop, p. 89—90.

11. Shuper, V.A. 2001, Geograficheskaja teorija i social'naja praktika: razmyshlenija nad stat'noj G.A. Agranta [Geographic theory and social practice: Reflections on the article GA Agranta], *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija Geograficheskaja* [Russian Academy of Sciences. Geographic Series], no. 2, p. 65—72.

12. Trofimov, A.M., Sharygin, M.D., Malganova, I.G. 2005, Rennans geograficheskoy mysli ili krizis v geografii? (izmenenie obshhestvennoj situacii i zadachi geografov [Renaissance geographical thought or a crisis in geography? (change of the social situation and the problems of geography)], *Geograficheskij vestnik* [Geographic Vestnik], no. 1—2, p. 5—9.

13. Druzhinin, A.G. 2008, Rossijskaja obshhestvennaja geografija nachala XXI veka: starые проблемы, новые вызовы [Russian social geography of the beginning of the XXI century: old problems, new challenges], *Jekonomiko-geograficheskij vestnik Juzhnogo federal'nogo universiteta* [Economic and geographic Vestnik Southern Federal University], no. 5, p. 3—9.

14. Druzhinin, A. G., Streletsky, V.N. (eds.), 2014, *Fenomen kul'tury v rossijskoj obshhestvennoj geografii: jekspertnye mnenija, analitika, koncepty* [The phenomenon of the Russian culture in the social geography: expert opinions, analysis, concepts], Rostov-on-Don, 536 p.

15. Druzhinin, A. G., Shuvalov, V.E. (eds.), 2010, *Teorija social'no-jekonomicheskoj geografii: sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitija* [The theory of socio-economic geography: the current state and prospects of development], Collection of materials of the international scientific conference, Rostov-on-Don, 2010, 4—8 May, Rostov-on-Don, 475 p.

16. Karaganov, S., Makarov, I. 2015, Povорот na Vostok: itogi i zadachi [Turning to the East: results and objectives], *Rossiyskaya Gazeta*, 6 February, available at: <http://svop.ru/main/14175/> (accessed 20.02.2015).

17. Druzhinin, A. G. 2012, Prioritety razvitija rossijskoj social'no-jekonomicheskoj geografii i zadachi ARGO [Priorities of the Russian socio-economic problems of geography and ARGO], *Social'no-jekonomicheskaja geografija. Vestnik Assotsiacii rossijskih geografov-obshhestvovedov* [Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers, social scientists], no. 1, p. 26—31.

About the author

Prof. Aleksandr Druzhinin, Coordination Council of Russian Human Geographers Association, Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

E-mail: alexdru9@mail.ru